

РУССКИЙ СБОРНИК

Russkij Sbornik
Colección Rusa

URSS y Guerra Civil en España,
1936–1939

Coordinado por Dr. Oleg Aurov

XX

M o s c ú 2 0 1 6

РУССКИЙ СБОРНИК

СССР и Гражданская война
в Испании 1936–1939

Редакторы-составители
О. Р. Айрапетов, М. А. Колеров, Брюс Меннинг,
А. Ю. Полунов, Пол Чейсти

XX

Модест Колеров
Москва 2016

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)
P89

Ответственный составитель О. В. Ауров
Coordinado por Dr. Oleg Aurov

P89 **Русский Сборник.** Т. XX: СССР и Гражданская война в Испании 1936–1939. Ред.-сост. О. Р. Айрапетов, М. А. Колеров, Брюс Меннинг, А. Ю. Полунов, Пол Чейсти. Т. XX. М.: Модест Колеров, 2016. 520 с.
Russkij Sbornik. Т. XX: URSS y Guerra Civil en España, 1936–1939. Moscú: Modest Kolerov, 2016. 520 p.

Электронные версии «Русского Сборника» доступны в интернете:
www.iarex.ru/books
ISBN 978-5-905040-22-1

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-905040-22-1

© Авторы статей, 2016
© Модест Колеров, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	9
<i>М. И. Мельтюхов.</i> Политика «коллективной безопасности» Советского Союза в контексте международных отношений в 1933–1939 гг.....	15
<i>А. В. Шубин.</i> Сталин и Испанская республика (1936–1939).....	55
<i>Луис Пио Моа Родригес.</i> Некоторые принципиальные ошибки в представлениях о Гражданской войне в Испании.....	81
<i>В. О. Дайнес.</i> Применение бронетанковых войск в Испании, 1936–1939 гг.....	100
<i>В. В. Гагин.</i> Об участии советских ВВС в Гражданской войне в Испании в 1936–1939 гг.	148
<i>Антонио Мануэль Мораль Ронкаль.</i> Советский посол в Мадриде: реакция иностранного дипломатического корпуса Испании.....	170
<i>Франсиско Хавьер Гонсалес Мартин.</i> Образ России в Испании: между русской революцией и Голубой дивизией (1917–1945). От интереса к разногласиям	200
<i>Жозеп Пуигжек Фаррас.</i> Советское консульство и коммунистическое движение в Каталонии во время Гражданской войны.....	245

<i>В. Я. Кочик.</i> Манфред Штерн, самый известный из всех волокских Штернов.....	272
<i>Н. С. Тархова.</i> Документальное «золото» отделения «Х» (об информационных сборниках РУ РККА о гражданской войне в Испании).....	290
<i>Хулио Руис.</i> Ложное обвинение: Советский Союз и зверства республиканцев в Паракуэльос.....	315
<i>Кристиан Гарай Вера, Хосе Луис Орелья.</i> Подданные традиции. «Белые русские» в испанской «Рекете» и других воинских частях националистов в 1936–1939 гг.....	351
<i>Моника Ордунья Прада.</i> Женщины-волонтеры в период Гражданской войны в Испании: социальная справедливость и «Бог, Отечество, Король».....	371
<i>Хосе-Леонардо Руис Санчес, Сантьяго Наварро-дела-Фунте.</i> Испанская Гражданская война (1936–1939) сквозь призму церковных документов	387
<i>Бруно Муньяи.</i> Итальянские добровольцы в антифашистских военных организациях и интернациональных бригадах ...	413
<i>Беатрис Фигальо.</i> С Республикой и против Республики: Аргентина и Гражданская война в Испании	449
<i>А. А. Сагомоян.</i> Гражданская война — продолжение? (Антифранкистская герилья 1940-х годов).....	472
<i>Ирина Родригез-Булгакова.</i> Испанская историография Гражданской войны 1936–1939 гг.....	503
Сведения об авторах XX тома	517

INDICE

<i>M. I. Meltyukhov.</i> Política de la “Seguridad Colectiva” de la Unión Soviética en el contexto de relaciones internacionales, 1933–1939	15
<i>A. V. Shubin.</i> Stalin y la II República española (1936–1939)	55
<i>L. P. Moa Rodríguez.</i> Algunos equívocos esenciales en torno a la Guerra Civil española.....	81
<i>V. O. Daines.</i> Utilización de Tropa acorazada en España, 1936–1939	100
<i>V. V. Gagin.</i> Ejército del aire soviético en la Guerra Civil española, 1936–1939	148
<i>A. M. Moral Roncal.</i> Un embajador soviético en Madrid: reacciones del cuerpo diplomático extranjero en España	170
<i>F. J. González Martín.</i> La imagen de Rusia en España: de la Revolución rusa a la División azul (1917–1945). Entre el interés y el desencuentro	200
<i>J. Puigsech Farràs.</i> El consulado soviético y el movimiento comunista en Cataluña durante la Guerra Civil.....	245
<i>V. Ya. Kochik.</i> Manfred Stern, el más famoso de todos Sternes de Voloka.....	272

<i>N. S. Tarkhova.</i> El “oro” documental de la sección «X» (docciers del Departamento de Inteligencia del Ejército Rojo sobre la Guerra Civil española)	290
<i>J. Ruiz.</i> Acusación falsa: Unión Soviética y ferocidad republicana en Paracuellos	315
<i>C. Garat Vera, J. L. Orella.</i> Súbditos de la tradición. Los rusos blancos en el requeté español y otras unidades nacionales 1936–1939	351
<i>M. Orduña Prada.</i> Voluntariado Femenino durante la Guerra Civil Española: Justicia Social y Dios, Patria y Rey	371
<i>J.-L. Ruiz Sánchez, S. Navarro de la Fuente.</i> La Guerra Civil española (1936–1939) a través de los documentos pontificios	387
<i>B. Mugnai.</i> Voluntarios italianos en las organizaciones militares antifascistas y en la Brigada Internacional	413
<i>Beatriz Figallo.</i> Con la República y contra la República: Argentina y la Guerra Civil española	449
<i>A.A. Sagomonyan.</i> Guerra Civil: ¿continuación? (La guerrilla antifranquista de los años 1940s)	472
<i>I. Rodríguez-Bulgakova.</i> Historiografía española sobre la historia de la Guerra Civil (1936–1939)	503

ХОСЕ-ЛЕОНАРДО РУИС САНЧЕС,
САНТЯГО НАВАРРО-ДЕ-ЛА-ФУЭНТЕ

ИСПАНСКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА (1936–1939)
СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЦЕРКОВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Во время последней Гражданской войны большое значение для мобилизации широких слоев испанского населения имел католический фактор. То, что задумывалось как военный переворот, который должен был в считанные дни завершиться победой (как это было во многих других случаях)¹, превратилось в братоубийственную войну. Скоро различными идеологическими и церковными кругами она была провозглашена «крестовым походом», поскольку подразумевалось, что мятежные военные ведут борьбу против «безбожников» и, следовательно, антипатриотов. В действительности такой подход маскировал неприятие республиканского режима, тернистым путем пришедшего к власти в 1931 г. Этот режим подразумевал победу демократического идеала, но очень непрочного, в некоторых своих проявлениях насквозь пропитанного крайним антиклерикализмом, пришедшего в свои последние дни, по мнению мятежных военных, к полному установлению советской коммунистической системы. Термин «крестовый поход» окончательно утвердился

¹ Последний такой переворот, произведенный 13 сентября 1923 г. генералом Примо де Ривера, привел к установлению диктаторского режима в период между 1923 и 1930 гг. Две неудачные попытки переворота, совершенные под другими идеологическими знаменами, были предприняты 12 декабря 1930 г в г. Хака (против монархии Альфонсо XIII) и 10 августа 1930 г., когда генерал Санхурхо выступил в Севилье против Республики.

в националистическом лагере (который в итоге станет франкистским) по истечении первых десяти недель войны, придавая восставшим определенный религиозный статус, который сослужит им очень хорошую службу и в решающий момент обеспечит поддержку испанских католиков. Для последних на протяжении веков предметом особой гордости служило обладание этим качеством как знаком «национального» единства, достигнутого даже раньше, чем было создано современное государство. Такое видение будет подвергаться натиску со стороны республиканизма: вере будет противопоставлен антиклерикализм, единству государства — Конституция 1931 г., провозглашавшая право областей на автономию.

В этой статье мы не будем касаться дискуссии о значении, которое в то время имел термин «крестовый поход» (*cruzada*), обозначавший также усилия, прикладываемые для достижения какой-либо цели, не обязательно связанной с христианством; также мы оставим в стороне другие аспекты, связанные с этим вопросом, поскольку они в достаточной мере изучены. Религиозный пыл не был причиной, побудившей участвующих в заговоре военных совершить военный переворот в июле 1936 г. Следует учитывать, что наиболее влиятельные из них оставались равнодушны к этому вопросу, что объясняет их первоначальное предложение оставить без изменений тот шаткий статус, который церкви придала Республика, отличавшаяся крайним антиклерикализмом². С другой стороны, также нет сомнений в том, что самые высокопоставленные представители испанской церкви не были вовлечены в конспиративные махинации, предварявшие мятеж, которые предпринимали военные для этого предполагаемого «крестового похода» (примас кардинал Гома³ узнал эту новость, возвращаясь после летнего отдыха в Каталонии, и был поражен). Даже если кто-то из прелатов был информирован заранее о происходящем, разумеется, на этапе

² Этот вопрос уже давно был изучен Илари Рогером [см.: Riquer i Suñer H. *La espada y la cruz: la Iglesia, 1936–1939*. Barcelona: Bruguera, 1977. — *Прим. перев.*].

³ Гома-и-Томас, Исидро (1869–1940) — видный испанский церковный деятель и писатель; рукоположен в 1895 г.; с самого начала служения зарекомендовал себя блестящим проповедником, что (наряду с консервативными взглядами) во многом предопределил его будущую карьеру; с 1927 г. — епископ Тарасоны, с 1933 г. — архиепископ Толедо, с 16 декабря 1936 г. — официально провозглашен в этом качестве кардиналом-примасом испанской Церкви. — *Прим. перев.*

подготовки никто из них переворот не поддерживал и никак ему не способствовал⁴.

Несмотря на вышеизложенные доводы и на то, что провал военного переворота привел к открытой войне, не вызывает сомнений, что термин «крестовый поход» оказался как нельзя кстати в тот момент, когда эту войну пришлось определить как, в первую очередь, религиозный конфликт. Этому способствовали различные факторы. С одной стороны, то, что среди восставших присутствовало значительное число карлистов (в частности, военнизированной организации рекете, во многом схожая с фалангистами, сразу же включившаяся в борьбу), чья система ценностей включала защиту религии, как это было на полях сражений карлистских войн XIX в. Нелишним будет добавить, что именно в Наварре, традиционно подверженной карлистскому влиянию, в первые недели войны находился примас-кардинал Гома. Это обстоятельство упоминает он сам в докладе, отосланном в Рим, в котором речь шла о произошедшем в Испании в результате мятежа⁵. С другой стороны, в политике все большее влияние приобретали наиболее радикальные социалистические организации, в особенности коммунисты и анархисты (о чем свидетельствуют результаты февральских выборов 1936 г.). Кроме того, представители самых бескомпромиссных идеологических кругов, близких к мятежникам, пропагандировали идею о том, что очень скоро в стране одержит победу атеизм и коммунизм советского типа, и тогда в опасности окажутся все. И, самое главное, в те первые месяцы братоубийственной борьбы повсюду произошла ужасающая вспышка ненависти ко всему связанному с религией и Церковью, невиданная ранее, хотя подобные настроения существовали и прежде. Эта ненависть была направлена на материальные объекты и, в первую очередь, на людей, что привело к многочисленным жертвам и разрушению огромного числа памятников исторического и художественного наследия⁶, что вызвало широ-

⁴ Имеется в виду кардинал Илюндайн, архиепископ Севильи, которому о восстании мог сообщить генерал Кейпо-де-Льяно. Кардинал не верил в успех предприятия мятежников, поскольку военные силы, которыми те располагали, не были многочисленными.

⁵ См.: Andrés-Gallego J. ¿Fascismo o Estado católico? Madrid, 1997.

⁶ По этому вопросу см. уже ставшую классической работу: Montero A. Historia de la persecución religiosa en España. Madrid, 1961; см. также недавно вышедшую книгу В. Карсель Орти с тем же самым названием [вероятно, имеется в виду книга: Cárcel Ortí V. La persecución religiosa en España durante la Segunda República (1931–1939). Madrid: Rialp, 1990. — *Прим. перев.*].

кий международный резонанс. Определение, данное Гражданской войне, окончательно закрепилося, когда 30 сентября 1936 г. д-р Пла-и-Даниэль⁷, бывший тогда епископом Саламанки, опубликовал свое пастырское послание, в котором он, следуя св. Августину, торжественно объявил войну Крестовым походом.

Используя это наименование, мятежники надеялись незамедлительно приобрести поддержку среди верующей части населения и, несколько позднее, — за рубежом, в частности у Святого Престола. Последнее было необходимо для международного признания, столь важного, учитывая, что власть Республики была легитимна. Только этим можно объяснить то, что в начале августа 1936 г. в Рим в качестве официального представителя мятежного правительства (Хунта национальной обороны, Бургос) при Ватикане прибыл адмирал Антонио Магас-и-Перс⁸ (при этом официальное испанское представительство было республиканским). Главной его задачей было добиться благорасположения Папы к правоверным католикам, которыми себя провозглашали мятежники⁹. Но в действительности сближение лагеря восставших с католиками имело целью если не получение официальной санкции Святого Престола, то, по крайней мере, избежание его противодействия. В этом смысле, чтобы политика выглядела последовательной, было очень важно, чтобы фактическая позиция Церкви соответствовала доктринальным нормам. Испанская Гражданская война и политическая ситуация в Европе того пе-

⁷ Пла-и-Даниэль, Энрике (1876–1968) — испанский церковный и политический деятель правого направления; рукоположен в 1900 г. в Барселоне; в 1918–1935 гг. — епископ Авилы; в 1935–1941 гг. — епископ Саламанки; с 1941 г. — архиепископ Толедо и примац Испании (утвержден Папой в сане кардинала в 1946 г.). В течение длительного периода являлся президентом организации «Католическое действие». — *Прим. перев.*

⁸ Магас-и-Перс, Антонио (1864–1953) — испанский военный деятель. С 1878 г. — на службе в ВМФ Испании. Участник испано-американской войны (1897–1898). С 1902 г. — унаследовал титул маркиза де Магас, с 1920 г. — контр-адмирал, с 1922 г. — командующий морской авиацией. В период диктатуры Примо-де-Ривера включен в состав правительства (Военной директории), в 1924–1925 гг. замещал диктатора в период его пребывания в Африке. С 1930 г. — адмирал. В период Гражданской войны — на дипломатической службе в качестве представителя при Святом Престоле, посла в Берлине (с 1939 г.) и Буэнос-Айресе (с 1940 г.). — *Прим. перев.*

⁹ Именно на этот факт, связанный с ситуацией в Красной зоне, делал упор Магас в своих попытках добиться от Святого Престола признания правительства мятежников в конце 1936 г. Попытки эти потерпели крах, и признание было получено уже в разгар войны, когда он не занимал эту должность.

риода были крайне сложными явлениями, вызывавшими сильное беспокойство Ватикана. Исходя из сказанного, необходимо определить особенности испанского конфликта с учетом распоряжений, рассылавшихся Святым Престолом по всему миру.

При работе над этой статьей мы использовали четыре разных воззвания папы Пия XI¹⁰ (энциклики, письма, обращения), опубликованные во время Гражданской войны, содержание которых связано с событиями в Испании. Лишь одно из них было прямо предназначено испанцам (обращение «*La vostra presenza*», произнесенное в Кастель-Гандольфо 14 сентября 1936 г.). Три остальных датируются периодом между 14 и 28 марта 1937 г. Два из них были обращены к национальным епископским церквям стран, в которых религия подвергалась преследованиям (Германия и Мексика), в то время как последнее — энциклика «*Divini Redemptoris*» — было направлено против атеистического коммунизма. Не будет лишним добавить, что вышеназванные тексты предшествовали «Коллективному посланию испанских епископов епископам всего мира» (1 июля 1937 г.), о котором также пойдет речь ниже. Разумеется, составители последнего смогли воспользоваться вновь обнародованными и соответствующими ситуации наставлениями понтифика для того, чтобы возвестить миру о своих несчастьях и дать адекватную оценку происходящему в Испании. Отсюда — новизна нашего подхода: выяснить соотношение позиции, выражавшейся испанской Церковью, с положениями папской доктрины, высказанными в тот исторический период.

¹⁰ Пий XI (Амброджио Дамиано Акиле Ратти) (1857–1939) — выдающийся деятель Католической Церкви. Папа Римский с 1922 по 1939 гг. В период понтификата занимал резко негативную политику по отношению к левым движениям и Советской России. В 1930 г. впервые выступил с открытым осуждением гонений на католиков в СССР. Важнейшим результатом понтификата стало заключение в 1929 г. Латеранских соглашений с правительством фашистской Италии, определившим принципы отношений между Святым Престолом и итальянским государством, в том числе — статус Ватикана как независимого государства. В 1933 г. был заключен конкордат с нацистским режимом Германии, среди прочего, признававший легитимность последнего. Однако в дальнейшем папа был вынужден изменить свою политику по отношению к режиму, что проявилось в содержании энциклики «*Mit brennender Sorge*» («С глубокой тревогой...») (издана на немецком языке 14 марта 1937 г.). Одновременно энцикликой «*Divini Redemptoris*» («Божественного Искупителя...») (от 19 марта того же года) был осужден «большевистский и безбожный коммунизм». 28 марта 1937 г. последовала третья энциклика на политическую тему — «*Nos es tuu copocida*» («Нам хорошо известна...»), написанная на испанском языке и адресованная епископам Мексики. — *Прим. перев.*

г. La vostra presenza¹¹

Четырнадцатое сентября 1936 г. в своей летней резиденции в Кагель-Гандольфо Пий XI принял около пятисот испанских беженцев, среди которых были священники, монахи и миряне. Во главе этой группы находились епископы Картахены, Вика, Тортосы и Сео-де-Уржеля. Спустя почти два месяца после военного переворота и начала войны, папа и, соответственно, Римская Католическая Церковь впервые заняли официальную позицию по этому вопросу. Ранее государственный секретарь Римской курии обратился к папе с заявлением о необходимости публичного осуждения религиозного преследования, рассказав ему также о встрече с укрывшимся во Франции кардиналом Таррагоны Видалем-и-Барракером¹², который передал ему свои опасения по поводу того, что Святой Престол захочет оказать поддержку одному из двух противостоящих лагерей. Но до того момента Папа ограничивался протестами по дипломатическим каналам, высказанными через поверенного Апостольской нунциатуры при правительстве в Мадриде (Серикано¹³) и через посла Республики в Ватикане (Сулуэта¹⁴). В несвойственной для

¹¹ «Ваше присутствие...» (*итал.*).

¹² Видал-и-Барракер, Франсиско (Франсек) (1968–1943) — испанский (каталонский) прелат и деятель культуры. После рукоположения (1899 г.) занимал различные должности в церковной провинции Таррагоны. В 1913 г. рукоположен епископом Сольсоны (провинция Лерида), с 1918 г. — архиепископ Таррагоны, с 1921 г. — кардинал. Основатель Библиотеки, Музея и Архива Таррагонской епархии, член Королевской академии истории (Мадрид). Активный сторонник расширения сферы применения каталонского языка, прежде всего — в сфере богослужения. После 1931 г. активно пытался найти общий язык с республиканскими властями. С началом Гражданской войны удалился в монастырь Поблет. Там был арестован милисиано ФАИ, доставлен в Барселону и чудом избежал расстрела. Был освобожден благодаря заступничеству Женеалитата и выехал за пределы Испании. Отказался подписать «Коллективное послание испанских епископов ...» от 1 июля 1937 г. и не признал франкистского режима. Поэтому режим оказывал давление на Святой Престол, требуя его отставки, но папы Пий XI и Пий XII отказывались пойти на этот шаг. В 1943 г. скончался в г. Фрайбург (Швейцария). См.: www.cs.upc.edu/~ibarz/fvidalCs.html. — *Прим. перев.*

¹³ Серикано, Сильвио (1889–1957) — временный поверенный в делах (исполняющий обязанности папского нунция) в Мадриде в июле—ноябре 1936 г. В дальнейшем обязанности нунция были переданы кардиналу Гома, представлявшему Святой Престол в Саламанке и Бургосе. — *Прим. перев.*

¹⁴ Сулуэта-и-Эсколано, Луис (1878–1964) — испанский дипломат, писатель, ученый, политик центристского направления, член Реформистской пар-

себя манере (обычно он не имел при себе письменный вариант речи) в тот день он зачитал свое обращение, а за несколько дней до этого отдал распоряжение выполнить точный перевод на испанский, который был распространен среди присутствующих¹⁵.

Пий XI начал с выражения своей боли и восхищения теми, кто претерпел муки («настоящее мученичество, священное и достойное славы»), затем он высказал сожаление по поводу жертв, которым он изъявил свою любовь, а их преследователям — порицание. Далее, с ужасом отозвавшись о братоубийственной войне, которую он нигде не определил как «священную» или как «крестовый поход» (как ожидали некоторые из присутствующих), папа не выразил открытой поддержки ни одной из сторон. Более того, в выступлении в завуалированной форме он обвинил мятежников в неоправданных бесчинствах и узкопартийных интересах¹⁶. И, как будто этого уже не было достаточно, в последнем абзаце этой речи ни с того ни с сего он вспомнил о божественном милосердии к врагам, когда призвал «любить этих дорогих детей и братьев ваших, любить особенной любовью сострадания и милосердия, любить их, и, если ничего другого не остается, молиться за них»¹⁷.

Присутствующие слушали его слова с волнением. Тем не менее некоторые из находившихся там сторонников мятежа почувствовали себя разочарованными, и даже послышался неодобрительный шепот. Государственному секретарю Пичелли приписали уклончивые выражения, в которых было составлено обращение, столь дипломатичное, что невозможно было сделать вывод о том, что папа принимает одну из сторон. Было очевидно лишь, что нужно поддерживать тех, кто страдает, и быть милосердными

тии. Министр иностранных дел (1931–1933) в правительстве М. Асаньи. В 1933–1934 гг. посол Республики в Берлине, в 1936–1938 гг. — посол Республики при Святом Престоле. После признания Ватиканом правительства Франко — в эмиграции в Колумбии, где и умер. — *Прим. перев.*

¹⁵ Подробнее об этом обращении см.: Redondo G. Historia de la Iglesia en España, 1931–1939. T. 2. Madrid, 1993.

¹⁶ «Оставляя в стороне все политические и мирские соображения, наше благоговение, в первую очередь, с теми, кто возложил на себя трудную и опасную миссию защищать и восстанавливать законы и достоинство Бога и религии, которые являются законами и достоинством совести, первым условием и наиболее прочной основой всего благополучия человечества и цивилизации. Миссия эта трудна и опасна также потому, что эти ценности защитить непросто, и усилия, к этому прилагаемые, зачастую чрезмерны и не могут быть полностью оправданы. Кроме того, вмешательство побочных интересов, эгоистических намерений и партийной выгоды омрачают и искажают этичность действий».

¹⁷ Полный текст обращения см.: Razón y Fe. 1937. No. 112.

с виновными. Восприятие этого послания в Испании не было однозначным. Мятежники искажали содержание текста в своих интересах: подчеркивалось то, что было им выгодно, и опускались те места, где на них бросалась тень, в особенности намеки на бесчинства тех, кто провозглашал себя поборниками интересов Церкви. Этот же самый сокращенный текст дошел и до республиканской зоны, где распространилось мнение, что Папа поддерживает мятеж. Такое обращение с посланием викария Христа, причем именно со стороны тех, кто заявлял, что находится под покровительством Церкви, сразу продемонстрировало со всей очевидностью — без обиняков — принципы тоталитарной идеологии, которыми они руководствовались. В этом контексте все стало еще менее понятным, когда начали распространять пастырские послания испанских прелатов, посвященные войне. В наиболее значительном из них, автором которого являлся епископ Саламанки Пла-и-Даниэль, четко утверждалось понятие «крестовый поход». Это определение моментально приобрело популярность благодаря пропагандистскому аппарату мятежников, чьи руководители начали принимать во внимание возможность использования католического фактора в своих интересах, даже, как станет видно позднее, за счет отказа от некоторых из своих идеологических принципов, очень слабо связанных с религией¹⁸.

2. Пасха трех энциклик

В течение 14 дней между Страстным Воскресеньем и Пасхой 1937 г. Пий XI опубликовал три документа; пресса того времени использовала для обозначения этого момента выражение «Пасха трех энциклик». Это был не первый раз, когда отточенное перо Акилле Ратти¹⁹ обращалось к вопросам, касающимся политической ситуации. Но непосредственная связь содержания этих документов с идеологиями и событиями испанской Гражданской войны делают их уникальными для понимания папского наставления по наиболее болезненным вопросам, а также деятельности

¹⁸ Подробности этого вопроса, помимо вышеупомянутой книги Андреса-Гальего, содержатся в обстоятельном исследовании: *La Iglesia del siglo XX en España, Portugal y América Latina* / Ed. por Aldea Q., Cárdenas E. Т. 10. Barcelona, 1987.

¹⁹ Т. е. Пия XI (см. выше прим. 11). Следует напомнить также о том, что Папа был высокообразованным человеком, в разное время занимал посты директора Аброзианской библиотеки (Милан) и Ватиканской библиотеки (Рим). — *Прим. перев.*

испанских католиков в связи с этим наставлением. Директивы Папы, прозвучавшие ранней весной 1937 г., становятся удобным средством для различения оттенков между позицией Святого Престола и позиционированием испанских католиков. В том, что это было действительно так, нас убеждает тот факт, что официальный представитель правительства Франко немедленно проинформировал свое руководство о публикации этих документов, присовокупляя многочисленные, но не всегда верные выводы²⁰.

2.1. Mit brennender sorge («С глубокой тревогой...»)

Первый из опубликованных документов датируется 14 марта 1937 г. (Страстное воскресенье). Он адресован немецким епископам, и речь в нем идет о ситуации, в которой оказалась Церковь в «Германском рейхе». Папа решился опубликовать это действительно очень жесткое письмо о тех условиях, в которых жили католики в Германии фюрера, которая, наряду с фашистской Италией, оказывала наиболее важную международную и материально-техническую поддержку армии мятежников, под руководством генерала Франко выступившей против испанской Второй Республики, и которая, кроме того, являла собой модель государства, утвердившегося бы в Испании в случае победы мятежников.

Преемник Святого Петра, утверждавший, что «взвесил каждое слово этой энциклики на весах правды», разоблачал невыполнение властями Рейха условий Конкордата, переговоры по которому они сами предложили возобновить летом 1933 г. Соглашение, призванное упрочить положение немецкого епископата, было ратифицировано Папой «не без внутреннего сопротивления», из чего можно заключить, что он действовал таким образом для того, чтобы избежать преследования католиков. Но Пий XI чувствовал себя обманутым Рейхом, поскольку, поставив подпись, он удостоверился, что национал-социалисты никогда не были заинтересованы в выполнении этих обязательств

²⁰ Так, например, он приписывал составление немецкого и мексиканского текстов на национальных языках стремлению опубликовать их как можно скорее, хотя известно, что это обстоятельство было связано с тем живым интересом, который в Ватикане проявляли к этим вопросам, и с желанием избежать любой ошибки в интерпретации текстов при переводе с латыни. Также он считал, что документы были подготовлены Курией Ордена Иезуитов, и, демонстрируя ограниченность своего мнимого католичества, с наивностью верил, что наставления, содержащиеся в этих трех документах, долгое время не будут приниматься во внимание.

и по их вине договор превратился в пустые слова. Совершенно открыто Пий XI заявлял о намерении нацистов «вести борьбу до уничтожения», используя «явные или тайные средства». Наконец, если публикация осуждающего послания откладывалась до определенного момента, то причиной этому было не что иное, как страх — как в библейской притче — вырвать вместе с плевелами пшеницу, а также надежда на то, что «неопровержимый язык реальности сорвет покрывало с того, что стало известно, но что некоторые, действующие согласно продуманному плану, стараются скрыть, — атаки на Церковь»²¹.

«*Mit brennender sorge*» начинается с упреков в невыполнении условий Конкордата, особо акцентируя внимание на «открытой борьбе с религиозными школами» и «отмене права голоса для тех, кто хочет получить католическое образование». Далее послание состоит из последовательного опровержения идей, пропагандируемых националистами и противоречащих католичеству. Так, на первый план выходит защита веры в христианского Бога, Бога «личного, трансцендентного, всемогущего, бесконечно совершенного, единого в трех лицах и троичного в единстве божественной сущности, Создателя мира, Господина, Царя и Конечную цель истории мира». Порицается обожествление государства или его властей, арийской расы, а также идея языческого бога и пантеизм, которые оцениваются не иначе как различные формы идолопоклонства, в которое впал национал-социализм. Вслед за защитой католического Бога, Папа касается вопроса веры в Иисуса Христа и отстаивает божественную правду, содержащуюся в Ветхом Завете. На практике все это должно было послужить для осуждения антисемитской политики Третьего Рейха. Точно так же, как от веры в Иисуса Христа нужно было перейти к вере в Церковь, из последней вытекала верность примату Римского Епископа. В такой системе координат анафеме предавалась идея национальной церкви и ее последовательная религиозная нетерпимость, противоречащие евангельской заповеди всемирной евангелизации. Очерчивая круг, который соединяет веру в Бога и веру в примат Римской Церкви, шестая глава посвящается предостережением против тенденциозного изменения значения некоторых религиозных понятий во имя их сопряжения с нацистской идеологией. В этом раз-

²¹ *Mit brennender sorge*. No.4, 5, 7 у 50. Использован канонический текст. [Полный текст энциклики на немецком языке см.: w2.vatican.va/content/pius-xi/de/encyclicals/documents/hf_p-xi_enc_14_031937_mit-brennender-sorge.html. — *Прим. перев.*]

деле осуждается пристрастная подмена значений таких понятий, как «откровение», «вера» или «бессмертие». Речь шла не столько о борьбе смыслов, сколько о жизненной позиции, поскольку целью было противодействие той модели человечества, которую отстаивал Гитлер. Папа не скупился на жесткие определения: «В своем глупом стремлении осмеять христианское смирение, представив его как разложение и как трусость, отвратительное высокомерие этих новаторов само делает себя смешным»²².

Это письмо, написанное в последнее воскресенье Великого поста 1937 г., завершается рассуждениями о вопросах доктрины и морали, а также основах права. Но громче всего звучит призыв, обращенный к притесняемым немецким католикам, молодежи (Папу очень беспокоило, что организации, в которые молодые люди были обязаны вступать, отличались антирелигиозностью), священникам, монахам и мирянам, многие из которых находились в тюрьмах или концентрационных лагерях. В своем стремлении поддержать своих духовных детей в Германии, Пий XI вместе с тем высказывает сожаление о тех многочисленных христианах, которые отступились от веры и отказались от послушания Церкви, и призывает остальных к стойкости, называя это время порой испытаний, к стойкости «даже ценой самых тяжелых земных жертв». Средства, которые он предлагал, были аналогичны тем, которые можно найти в других его воззваниях: пример священников и монахов, строгое и последовательное жизненное поведение верующих, в особенности, поддержка движения «Католическое действие»²³ и основательное католическое образование²⁴.

²² Ibid. No. 13, 32.

²³ «Католическое действие» — обобщающее название массовых католических организаций мирян, действующих под церковным руководством и имеющих своей целью продвижение католических идей и принципов в жизни мирян. Начало истории движения следует отнести к 1863 г., когда в г. Мехелене (Бельгия) состоялся Конгресс католических организаций мирян и возникла «Католическая ассоциация» для объединения усилий по противостоянию политике либерально настроенного правительства страны. В Германии объединение католиков было обусловлено противостоянием «Культуркамфу», инициированному О. Бисмарком в 1870-х гг. Само понятие «Католическое действие» было впервые употреблено папой Пием X в 1905 г. (энциклика «*Il firmo proposito*»). Папа Пий XI, продолжая эту политику, в 1922 г. осуществил объединение ряда католических организаций, в результате чего возникло движение «Итальянское католическое действие». По его образцу были сформированы подобные организации в Латвии (1922), Литве (1927), Польше (1930) и др. странах. В Испании движение мирян католиков активизировалось в период «революционного шестилетия» (1868–1874), однако «Католическое действие» как единая структура оформилось лишь в 1931 г. — *Прим. перев.*

²⁴ Ibid. No. 24.

Правительство Франко было немедленно информировано о публикации «*Mit brennender sorge*». В докладе Магаса от 23 марта 1937 г. недооценивалось значение, которое может иметь этот документ к признанию Папой режима мятежников. Тем не менее он отмечал, что в этом письме затрагивался вопрос, весьма щекотливый для него и всех тех, кто стремился к установлению тоталитарного режима в Испании, — о столь любимом понтификом «Католическом действии». В то время как Папа видел в этой организации самую стойкую надежду для настоящего и будущего Церкви, Рейх, сообщал Магас, воспринимал ее как абсолютное чуждое политическое движение, не предусмотренное национал-социализмом и, таким образом, опасное для государства. По мнению Третьего Рейха, именно по этой причине Конкордат 1933 г. между Святым Престолом и Германией на практике был аннулирован. Таким образом, ситуация требовала очень пристального наблюдения за испанским «Католическим действием», которое могло оказаться помехой для зарождающегося франкистского тоталитарного государства. Это было не единственным документом, составленным Магасом по этому вопросу: 1 апреля 1937 г. он снова обратился к этой теме в своих сообщениях, посвященных Германии и Мексике. По мнению дипломата, ситуации в Германии и Мексике отличались, поскольку в европейской стране католики располагали большими силами (так полагали во Дворце Испании²⁵ в Риме). Кроме того, многие упреки Пия XI касались в равной степени католиков и протестантов, что предполагало некоторое преимущество, о котором Рейх не мог не знать. Магас тем не менее отметил некоторые точки напряжения между нацистской Германией и Ватиканом, многие из которых представляли собой прообраз того, что может случиться в случае Испании²⁶.

²⁵ В этом дворце, расположенном недалеко от площади Испании, с 1647 г. располагается посольство Испании при Святом Престоле; посольство Испании в Риме, аккредитованное при правительстве Италии, занимает другое помещение, находящееся на первом этаже Дворца Боргезе. — *Прим. перев.*

²⁶ «Рейх, например, жалуется на то, что после отмены первичной цензуры пасторских наставлений эта привилегия используется для «опорочивания» Германского государства. Жалуется также на контрабанду символики, на преступления против государства и на политическую деятельность, которую конгрегации и религиозные организации ведут после отмены государством надзора, который мог бы быть за ними установлен. Он жалуется, что Католическое действие — это прикрытие настоящего политического католицизма. Церковь, в свою очередь, жалуется на то, что именно Рейх преднамеренно

Текст не был адресован испанцам, и в нем не содержалось явных отсылок к ситуации в Испании. Тем не менее государственный секретарь Ватикана Пачелли, хорошо знавший о том, что там происходило, специально интересовался, был ли текст воспроизведен испанской прессой целиком или частично: 4 апреля 1937 г. он еще не был об этом информирован. Примас Гома получил текст, но спустя месяц, когда уже был выполнен перевод, а тираж подготовлен к распространению во всех епархиях, он поменял свое решение, сославшись на «нецелесообразность публикации» его в данный момент. Однако в прессе он получил огласку благодаря переводу, сделанному немецкими специалистами, которые жестко критиковали непоследовательное поведение ватиканской дипломатии по отношению к немецкому правительству и другим «иностранным государствам, преследующим цели, аналогичные целям Правительства Рейха». Ни одна из испанских ежедневных газет не напечатала ни единого отрывка из этого перевода. Гома в итоге отправил по два экземпляра перевода энциклики каждому епископу, но при этом обратился к ним с просьбой отложить его публикацию в епархиальных бюллетенях. Текст был обнародован лишь в 1938 г., когда возросли опасения испанской Церкви, вызванные явными симпатиями официальных лиц к нацистской идеологии²⁷.

2.2. Divini Redemptoris («Божественного Искупителя...»)

Спустя пять дней после оглашения предыдущего послания, в день святого Иосифа, вышла в свет энциклика об атеистическом коммунизме. Целью ее было не только осуждение большевистской модели коммунизма, но и предостережение о серьезном риске коммунистической революции, грозившей покончить с суще-

нарушает условия Конкордата, хотя он сам настаивал на его подписании, а Святой Престол согласился на это «с большими опасениями». Насколько они были обоснованы, свидетельствует тот факт, что через несколько дней после подписания (как будто только и ждали этой формальности) был опубликован закон о стерилизации определенных неполноценных граждан. Это было первым очевидным попранием духа Конкордата, который, несомненно, ничего не говорит о евгенике, а наоборот, позволяет уважать свободу совести. Этот закон обрекает некоторых католиков на действия, открыто осуждаемые Церковью в энциклике «Casi connubi». Также Церковь не может согласиться с закрытием религиозных школ».

²⁷ Redondo G. Historia de la Iglesia en España... P. 208–210.

ствующей цивилизацией, которую понтифик считал наследницей христианской цивилизации. Осуждение коммунизма восходило еще к середине прошлого века и было включено в рассмотренное выше обращение «La vostra presenza», но Ратти понимал, что было уместно снова выступить с таким порицанием в принципиально важном обращении.

Эта энциклика имела огромное значение для Испании, поскольку коммунистическая идеология во многом господствовала в той части страны, которая оставалась верной Республике. В действительности, в самом тексте энциклики речь шла непосредственно лишь о трех странах: России, Мексике и Испании. В сообщении, отправленном Гома государственному секретарю Пачелли 13 августа 1936 г., открыто говорилось о том, что за всеми атаками на Церковь стоит вмешательство России: пресса, деньги, агенты, даже русские наемники, которые сражаются на фронте вместе с другими коммунистами. Также отмечалось, что, если восстание потерпит поражение, в стране установится режим, подобный существующему в советской России. Поэтому в разгар конфликта было очень кстати, что из уст Папы в «*Divini Redemptoris*» прозвучали столь мрачные слова о коммунизме, который он считал «серьезной угрозой, масштаб и жестокость которой превосходят все гонения, которым ранее подвергалась Церковь». В намерения Папы входило противопоставление принципов и методов «коммунистического атеизма» и церковной доктрины и призыв к использованию средств, с помощью которых «христианская цивилизация» могла освободиться от этого «сатанинского бича» во благо всего человечества. В качестве благоприятной почвы для развития коммунизма Папа называл «существующие в либеральной экономике злоупотребления», сделавшие невозможным «справедливое распределение земных благ». Обедневшие массы, отвернувшиеся от религии и морали, были, по мнению Папы, удобной питательной средой для проникновения пагубной идеологии, привлекавшей «целями, без сомнения, справедливыми». Этот вопрос поднимался наставлением Церкви уже в XIX в., но это не возымело практически никакого результата: «Не было бы ни социализма, ни коммунизма, если бы правители народов не пренебрегали наставлениями и материнской заботой Церкви». Нужды самых обездоленных не оправдывали ошибки и ужасы распространявшегося коммунизма. И среди стран, в которых одерживал победу коммунистический атеизм, помимо России и революционной Мексики, находилась Испания:

«Даже там, где бич коммунизма не успел еще вполне проявить свои последствия, как видим мы в возлюбленной Нашей Испании, он, увы, уравновесил сие более яркой жестокостью своего нападения. Там не только разграблена та или иная церковь или отдаленный монастырь, но, в меру возможностей, каждая церковь и каждый монастырь подверглись разрушению. Всякий след христианской религии был уничтожен, даже если он был неразрывно связан с редчайшими памятниками искусства и науки. Неистовство коммунизма не ограничилось избиением без разбора епископов, тысяч священников, монахов и монахинь; он прежде всего выискивает всех, кто посвятил свою жизнь благополучию рабочих и бедноты. Но большинство его жертв были мирянами всех состояний жизни и классов. Даже до нынешнего мига множество их почти ежедневно убивают по одному тому обвинению, что они хорошие христиане или по меньшей мере противостоят безбожному коммунизму. И страшная эта бойня творится с такой ненавистью и диким варварством, какие никто не считал возможными в наш век. Ни один человек в здравом рассудке, ни один государственный деятель, сознающий свою ответственность, не может не содрогнуться при мысли о том, что то, что делается сегодня в Испании, может завтра повториться в других цивилизованных странах»²⁸.

Вслед за осуждением идеологии и настоящих нарушителей общественного порядка — не народов, которые жили в таких условиях, а лишь самой системы, — в «*Divini Redemptoris*» приводится комплекс директив, направленных на борьбу с коммунизмом. В действительности это было не что иное, как адаптация тех же самых религиозных принципов, которые мы упоминали в связи с «*Mit brennender sorge*». Главное отличие состоит в моральном требовании социальной и экономической справедливости. Папа предлагает обратиться к примерам истории, чтобы убедиться в том, что Церковь не выступает на стороне эксплуататоров. Поэтому он страстно призывал к милосердию и социальной справедливости, включающей честную оплату труда, которая приобретала первостепенную важность и в религиозном плане²⁹.

Но эти упреки, прозвучавшие в узком церковном кругу, были адресованы не только тем, кто не выполнял справедливых требо-

²⁸ «*Divini Redemptoris*». N. 2, 5, 7, 15, 18, 20 (процитировано), 38.

²⁹ Ibid. No. 24, 50 у 51. В этом пункте он напоминает о том, что уже было отмечено, среди прочих документов, в энциклике «*Quadragesimo anno*» (которые сам Ратти опубликовал в 1931 г. в сороковую годовщину знаменитой энциклики Льва XIII «*Rerum novarum*»), принятой достаточно сдержанно.

ваний рабочих, но и тем наивным, которые были готовы сотрудничать с коммунистами в «гуманитарной и благотворительной сферах» в расчете на то, что коммунизм «примет более умеренную форму, предоставив всем гражданам свободу совести и вероисповедания», и вскоре откажется от «программы открытой борьбы против Бога». В этом был политический подтекст, который касался непосредственно Испании, где католики из баскских националистических организаций оставались верны Второй Республике и сражались вместе с коммунистами из отрядов милиции. В связи с этим папа говорил:

«Коммунизм дурен по самой своей сути, и никто из желающих сохранить христианскую цивилизацию не может сотрудничать с ним в каком бы то ни было предприятии. Те, кто, совершая ошибку, оказывает помощь установлению коммунизма в своей стране, первыми заплатят за греховность этой ошибки. И чем древней и великолепней христианская цивилизация в тех регионах, куда проникает коммунизм, тем более опустошительна будет ненависть коммунистов-безбожников»³⁰.

В качестве средства для стимулирования изменений общества папа предлагал развитие «Католического действия», которое было способно предотвратить опасность установления коммунизма. Он также настойчиво рекомендовал государствам не препятствовать свободной деятельности Церкви.

Спустя два дня после публикации этой энциклики франкистское правительство получило соответствующее сообщение из Рима. Текст понтифика априори мог бы удовлетворить интересы лагеря, провозгласившего себя «национально ориентированным» и сражавшегося против коммунистов. Тем не менее в своем первом докладе Магас выразил мнение, что документ не оправдывает ожиданий: он был очень пространным; осуждая атеистический коммунизм, но менее выразительным, когда обращался к обманутым коммунистической пропагандой и сотрудничеством с коммунистами, советуя к людям — не к идеям — проявлять милосердие, и лично Магасу это не нравилось. По его мнению, наиболее благоприятным было то, что сам Папа открыто говорил о ситуации в Испании³¹. Спустя несколько дней, после знакомства с мнением итальянской и французской

³⁰ Ibid. P. 59, 60.

³¹ Archivo de la Embajada de España Ante la Santa Sede (Roma) (далее — SREGS/AEE). Informe n° 45 de 21 de marzo de 1937, enviado por el almirante Magaz a la Secretaría de Relaciones Exteriores del Gobierno de Salamanca.

прессе, он отослал новое сообщение, в котором выделял слова энциклики, в которых содержался намек на сотрудничество баскских католиков с коммунистами³².

2.3. «Нам хорошо известна...»

Последний из документов, датированный 28 марта 1937 г. (Пасхальное воскресенье), был адресован мексиканскому епископату. Более краткий, чем предыдущие, он касался таких политических вопросов, как организация деятельности Церкви после тяжелых лет Мексиканской революции и восстания кристерос³³. Кроме того, речь, как всегда, шла об условиях, которые должны быть созданы для того, чтобы католики могли, опираясь на закон, противодействовать несправедливой агрессии гонителей с использованием насильственных методов. Схожесть испанской ситуации с той, что сложилась за океаном, уже была отмечена в более раннем сообщении, отправленном кардиналом Гома в августе 1936 г. в Государственный секретариат Ватикана, о котором мы упоминали выше. Средства, которые Папа предлагал использовать для поддержания и стимулирования религиозной жизни в Мексике, были схожи с теми, которые фигурировали в других документах: пример, подаваемый хорошо подготовленными священниками, покровительство «Католическому действию» и забота о наиболее

³² Ibid.: «Необходимо упомянуть о той важности, которая в большей части этих оценок придается 58 параграфу энциклики. Разумеется, он обращен ко всему миру, но сегодня слова его применимы в первую очередь к тем, кто, называя себя католиками, сотрудничают с марксистами или в официальных заявлениях и в публичных выступлениях защищают различные марксистские органы власти Красной Испании. Правда, речь идет об очень коротком параграфе, который теряется в огромной массе текста. Я говорю о вышеприведенном параграфе, в котором осуждается сотрудничество тех, кто защищает христианскую цивилизацию, с теми, кто стремится ее разрушить».

³³ Восстание кристерос — гражданская война в Мексике между федеральными силами и повстанцами-кристерос (1926–1929), боровшимися против положений конституции 1917 г., направленных на резкое ограничение прав Римско-Католической Церкви. Они включали такие жесткие нормы, как запрет на владение имуществом, осуществление религиозного обучения, создание монастырей, ношение церковного облачения священниками за пределами культовых зданий и др. Причиной войны стали попытки практической реализации соответствующих конституционных норм, предпринятые президентом П. Элиасом Кальесом, фактически находившимся у власти до 1935 г. Преследования были продолжены президентом Л. Карденасом (1934–1940) и закончились лишь после 1940 г. — *Прим. перев.*

обездоленных. Кроме того, в письме содержалась рекомендация уделять внимание эмигрантам, оказавшимся в положении изгоев в США. Размышления Пия XI о легитимности вооруженного восстания против существующей власти, действующей несправедливо, представляют собой политическое содержание документа, применимое к текущей испанской ситуации. Вспомнив более раннюю папскую доктрину о неповиновении католиков законным властям, попирающим основные гражданско-религиозные свободы и разрушающим основы уважения к этой власти, Папа отмечал, что граждане могут объединяться для защиты нации средствами «законными и целесообразными для борьбы с теми, кто выступает против государственной власти и стремится ее разрушить». Хотя практическое решение зависело от конкретных обстоятельств, всегда нужно было помнить основополагающие принципы:

«1. Эти требования оправданы отчасти и имеют относительный смысл, но не представляют собой конечной и абсолютной цели. 2. Оправданы могут быть только допустимые действия, не являющиеся в сущности своей злом. 3. Средства должны быть соразмерны цели, и использовать их можно лишь в той мере, в какой они служат для ее достижения, полного или частичного, и таким образом, чтобы их применение не причинило обществу еще большего вреда, чем тот, который пытаются устранить. 4. Использование таких средств и исполнение гражданских и политических обязанностей во всей их полноте, включая проблемы временного и технического характера или связанные с защитой с применением силы, никоим образом не входят в компетенцию духовенства и «Католического действия» как институциональных образований. При этом и на то, и на другое возложена задача подготовки католиков к верному использованию их прав и защите таковых всеми законными средствами, как того требует общественное благо. 5. Духовенство и «Католическое действие, миссия которых» — нести мир и любовь, а также объединять всех людей «в союзе мира» (Ефес. 4:3), должны способствовать процветанию нации, в особенности своим содействием единению граждан всех социальных классов, и поддерживать все те социальные инициативы, которые не противоречат учению и законам христианской морали»³⁴.

Распространение текста должно было быть очень ограниченным, поэтому, возможно, немногие испанцы размышляли над

³⁴ «Nos es muy conocido». Carta del Papa Pio XI al episcopado mejicano // L'Osservatore Romano. 28.03.1937.

тем, соответствует ли военный мятеж и последовавшая за ним Гражданская война тем условиям, которые Папа называл необходимыми для того, чтобы считать правомерным восстание против Второй Республики. Но все это не служит поводом преуменьшить значение указаний Папы. В свою очередь, Магас отправил сообщение правительству на следующий день после появления в газете «L'Osservatore Romano» испанского текста и его итальянского перевода. По его словам, похоже на то, что «наместник Святого Петра видит в последних событиях в Мексике возможность, хотя бы слабую, религиозного преобразования, и с этой целью дает инструкции и указания»³⁵.

Наконец, 1 апреля 1937 г. Магас снова отправил сообщение своим руководителям в Испании. На этот раз это был развернутый доклад, в котором главное внимание уделялось апостольским посланиям, направленным в Германию и Мексику. В этом докладе находим мнение автора о понтификате Пия XI: «Очень любопытно и поучительно сравнение этих двух писем», — говорит он. Речь идет о странах, в которых положение Церкви и католиков стало трудным. Притеснения, которые Церковь терпит в Мексике, «более длительные и гораздо более серьезные», при этом «тон послания, адресованного мексиканским епископам, гораздо более мягкий, чем тот, который находим в письме епископам немецким». По мнению Магаса, причина в том, что «в целом, Святой Престол проявляет покладистость и гибкость — в вопросах поведения, а не догмы — по отношению к тем правительствам, которые ведут себя с ним наиболее жестко, со свойственным ему смирением стараясь (всегда безуспешно) найти самый мягкий подход». Однако в своем сообщении Магас выделил в тексте понтифика абзац, в котором речь шла об условиях признания легитимности восстания против существующей власти: «Для нас это представляет интерес, поскольку касается вопроса о допустимости выступления против правительства в определенных случаях. Этот принцип видоизменяет позицию, которую Церковь занимала в последние годы, и способствует оправданию военного движения в Испании, узаконивая Национальное правительство в глазах Ватикана»³⁶.

В своем докладе Магас предусмотрительно переписал абзац, в котором Пий XI говорит о правомерности восстания в определенных случаях, однако он опустил те пять пунктов, которым,

³⁵ SREGS/AEE. Informe n° 51 (29.03.1937).

³⁶ SREGS/AEE. Despacho n° 52 (01.04.1937).

по мнению Папы, должно было соответствовать восстание, для того чтобы быть признанным законным. Справедливо предположить, что Святой Престол не имел ясного представления о том, что содержание энциклики «*Nos es tuu conocida*» послужит для оправдания военного мятежа 17 июля 1936 г. против легальных властей Испанской республики. Прежде всего, поскольку изучение этих пяти условий должно было быть гораздо более пристальным, чем то поверхностное внимание, которое уделили им Магас, считавший их содержание вполне ясным. По его мнению, эти пять правил «обуславливают, но не отменяют положения о правомерности восстания в определенных случаях».

3. Коллективное послание испанского епископата епископам всего мира

Последующие пастырские наставления испанских епископов (около 20-ти, среди которых выделялось уже упомянутое наставление Пла-и-Даниэля) завершились публикацией 1 июля 1937 г. «Коллективного послания испанского епископата...», которому предшествовали во времени четыре публичных выступления Пия XI, рассмотренные выше. В этом послании практически все испанские епископы (43 епископа и 5 капитулярных викариев; 5 епископов послание не подписали, некоторые из них выразили согласие с текстом, но не с его своевременностью) выразили свое отношение к Гражданской войне. По словам самого кардинала Гома, «Послание...» появилось «не столько благодаря указанию главы государства, сколько вследствие страстного желания сеньоров епископов и многочисленных католиков, которые заявили о его необходимости». Это, несомненно, позволяет предположить, вопреки устоявшемуся мнению, что Франко был заинтересован в выступлении прелатов, которое, разумеется, прозвучало в его пользу³⁷. В документе, который становился объектом

³⁷ Происхождение Письма было раскрыто уже в феврале 1937 г. критиками католицизма во всем мире, и оно воспринималось как открытая поддержка, оказываемая испанскими иерархами франкистским властям. Рим оставлял примасу возможность редактировать этот документ, который служил для объяснения религиозного аспекта войны. Со своей стороны, генерал Франко в мае 1937 г. обратился к Гома с двумя просьбами: первая касалась решения проблемы с баскскими священниками и недвусмысленного признания его режима; другая состояла в том, чтобы в готовящемся документе было указано, что епископат полностью и безоговорочно находится на его стороне. Это об-

изучения различных специалистов, аргументировалась позиция его авторов по отношению к войне, анализировались ее истоки, давалась характеристика военному мятежу и коммунистической революции, приводились оправдания в том, в чем определенные иностранные католические круги обвиняли испанскую Церковь, и в конце звучал призыв к правдивому и справедливому распространению новостей о Гражданской войне.

Нас, в первую очередь, интересуют отношения Церкви с мятежниками и той идеологией, которая зародилась в их лагере. И здесь необходимо отметить, что в «Послании...» звучало опровержение того, что война — это «крестовый поход» (как утверждали мятежники с самого начала конфликта). На отчаянные обвинения в том, что «духовное братство Церкви, чью свободу мы обязаны отстаивать, служит сиюминутным нуждам тиранического и всепоглощающего режима», епископы отвечали недвусмысленно: «Нет, мы требуем этой свободы, прежде всего, для исполнения наших обязанностей; из нее проистекают все свободы, которые мы отстаиваем для Церкви. Для этого мы не связали себя ни с кем — ни с людьми, ни с какими-либо силами или институтами, — хотя мы и благодарны за поддержку тем, кто смог избавить нас от врага, который хотел погубить нас, и готовы сотрудничать, как епископы и как испанцы, с теми, кто прилагает усилия для восстановления в Испании мира и справедливости. Ни один политический режим не сможет заявить, что мы отклонились когда-либо от этой линии».

Кроме того, спустя год после военного переворота, они понимали, что его первопричиной было национальное движение «в защиту основополагающих принципов всего цивилизованного общества» и что развивалось оно «против анархии, находящейся в союзе с правительством, которое не могло или не хотело оберегать эти принципы». Далее в документе приводились четыре довода, которые объясняли действия испанской Церкви. Первый состоял в том, что, несмотря на свою мирную природу, нежелание войны и отказ от участия в ней, Церковь не могла оставаться безразличной к исходу борьбы, когда попиралось ее учение, ее дух, а также учитывая опыт России. Было необходимо занять определенную позицию в условиях, когда «упразднялся Бог, чье дело на земле должна выполнять Церковь <...>, а этому де-

ращение было передано другим прелатам. Двое из них (находившиеся в изгнании Мухика и Видаль-и-Барракер) выступили за отсрочку публикации этого документа или за ее нецелесообразность.

лу — и людям, и вещам, и правам, — причинялся огромный вред, возможно, как никогда за всю историю». Во-вторых, епископы не могли проявлять солидарность с «поступками, тенденциями и намерениями, которые в настоящем или будущем могли бы исказить благородный облик национального движения, в его истоках, проявлениях и целях». В-третьих, они признавали, что «военно-гражданский» мятеж имел двойное происхождение — патриотическое и религиозное. Что касается последнего, восстание было призвано «лишить противников Бога сил и гарантировать будущее веры и религиозной практики». И, наконец, последней надеждой на восстановление в Испании «справедливости, мира и добра» была победа мятежников, поскольку противоположная сторона не предлагала, «несмотря на все усилия членов ее правительства, политических и социальных гарантий»³⁸.

Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на указания, данные Пием XI в «*Nos es muy conocida*» относительно условий, которым должно отвечать восстание против власти, чтобы считаться легитимным, испанские епископы в своем коллективном послании ни открыто, ни завуалированно не связали причину войны с этой предпосылкой. Для них конфликт был «вооруженным плебисцитом», в котором участники мятежа столкнулись «не столько с правительственными силами, которые старались подавить восстание, сколько с ничем не сдерживаемой яростью отрядов народной милиции». Таким образом, для испанских прелатов речь шла не о потере правительством легитимности и не о правомерности мятежа против него, а о столкновении «между двумя Испаниями».

Эти заключения позволяли понять, каким было видение войны у испанских епископов. Напряженно следя за происходящими событиями, они не выражали солидарности с теми, кто мог, в настоящем или будущем, изменить фундаментальные принципы национального развития. Для прелатов понятие «врага» сводилось исключительно к марксистскому коммунизму русского типа («Россия, как известно во всем мире, внедрила свои силы в правительственную армию, в самое ее сердце, сохраняя при этом видимость руководства Народного Фронта. Ее целью является установление коммунистического режима с помощью расшатывания основ существующего общественного порядка»). Возможно, такой подход был оправдан не только советским опытом, но и публикацией энцикли-

³⁸ Использован текст, опубликованный в кн.: Iribarren J. Documentos colectivos del episcopado español. Madrid, 1974.

ки *Divini Redemptoris*, в которой содержались намеки на ужасы коммунизма в Испании. Документ, напротив, не содержал открытых обвинений в адрес другой стороны, которые Пий XI выдвинул в «*Mit brennender sorge*». Но за таковые можно принять намеки, звучащие в прогнозе на будущее, который дают епископы. По их мнению, страшное зло может принести «идеология, чуждая государству, стремящаяся с корнем вырвать христианские понятия и влияния. Будет крайне трудно привить новую Испанию к стволу нашей древней истории и оживить ее жизненными соками. Но мы надеемся, что, принимая во внимание грандиозность жертвы, которую нам пришлось принести, нам удастся снова обрести наш национальный дух. Это постепенный процесс, сопровождающийся восстановлением законности, в которой преобладает христианское понимание культуры, морали, социальной справедливости, а Бог чтится и славится, как должно».

Некоторые из тех восьми обвинений, которые выдвигались католическими кругами других стран в адрес испанской Церкви, открыто или завуалированно намекали на солидарность последней с идеями, отстаиваемыми мятежниками. В некоторых случаях звучал открытый намек на условия тоталитарного режима. В связи с этим читаем:

«Говорят, что война в Испании — не больше чем эпизод в мировой борьбе между демократией и этатизмом, и победа национального движения сделает из нации рабов государства <...> Перед Церковью в нашей стране стоит другая дилемма: учитывая опасность полного уничтожения коммунизмом, как это произошло на территориях, где он господствует, Церковь ощущает поддержку силы, которая до этого момента гарантировала соблюдение основополагающих принципов для всего общества, независимо от политических взглядов его членов. Что касается будущего, то мы не можем предсказать, что случится, когда борьба закончится. Но мы можем утверждать, что война не была развязана для того, чтобы установить власть авторитарного государства над униженной нацией. Ее целью было мощное возрождение национального духа и христианской свободы прежних времен. Мы верим в мудрость правительства, которое не захочет перенимать иностранные образцы для строительства будущего испанского государства, а будут учитывать требования и особенности национальной жизни и траекторию, очерченную прошедшими столетиями».

В том же, что касалось звучащих за границей разоблачающих заявлений о бесчинствах, творящихся в зоне националистов, ав-

торы «Послания...» утверждали, что «не бывает войны без эксцессов», и добавляют, что, возможно, некоторые из них и были совершены кем-то из лагеря националистов, поскольку никто не способен сохранять спокойствие, «защищаясь от яростных атак бессердечного врага». Порицая любой разгул жестокости, епископы, в первую очередь, обрушиваются с критикой на злоупотребления, допускавшиеся правосудием Народного Фронта. В заключении говорилось о прощении тех, «кто, сам не зная, что делает, причинил страшное зло Церкви и Отечеству». И добавлялось: «Они есть дети наши». Далее речь шла о тех, кто претерпел мученичество.

Других публичных выступлений испанских иерархов и Святого Престола по вопросу Гражданской войны не провозглашалось. Это не значит, что все было сказано и между испанской Церковью и франкистским государством воцарилась гармония. Совсем наоборот: трения возникали часто, и в некоторых случаях они получали широкий резонанс, несмотря на жесткую цензуру информации, осуществлявшуюся тоталитарными кругами. Отношения нормализуются лишь спустя 14 лет после завершения конфликта, в 1953 г., когда в результате трудных переговоров был подписан Конкордат между Церковью и государством.

4. Вместо заключения

Проанализированные папские документы свидетельствуют о важных различиях в деятельности Святого Престола и испанских иерархов (Гома) в период Гражданской войны. Их позиция относительно притеснений, которым подвергалась испанская Церковь, была едина и отличалась большой твердостью, однако отношение к мятежу было противоположным. Рим был обеспокоен установленным мятежниками режимом, в котором он с самого начала видел влияние тоталитарной нацистской идеологии, так же как и движением республиканского лагеря в сторону коммунизма. Испанские иерархи в значительной степени отдали себя во власть мятежников (возможно, потому что не видели другого решения в условиях гонений, которым подвергалась Церковь со стороны противоположного лагеря), не различая отчетливо в июле 1937 г. (когда было опубликовано «Коллективное послание...») тоталитарной угрозы франкизма или национал-социализма, нависшей над Испанией. Угроза эта уже проявилась и в последующие месяцы делалась все более серьезной. В речах

Франко и в его интервью зарубежной прессе³⁹ уже был отчетливо виден тоталитарный характер его политики. Несмотря на это, епископы подвергли цензуре послание Папы (сентябрь 1937 г.), ставящее под сомнение уважение к свободе Церкви, и настаивали на том, что это «движение» (присутствие в котором многочисленной и влиятельной группы фалангистов-сторонников этатизма было очевидно) не исповедовало опасную идеологию. Более того, они отсрочили публикацию папского обращения, в котором открыто говорилось о том, что происходило в нацистской Германии. То, чему не было вынесено порицание на ранних этапах, утвердилось с этого момента: надзор цензуры за публикациями Церкви; страх властей перед реорганизацией «Католического действия» (чего требовал Папа), которая могла предполагать удержание денежных средств с организаций, входивших в состав этого движения, что положило бы начало поглощению им других организаций мирян; установление единой всеобщей системы профсоюзных, которая покончит с еще стоящими особняком католическими организациями; распространение всего немецкого, в том числе культуры, привело к тому, что на Конференции архиепископов (где присутствовали главы всех церковных провинций), состоявшейся в Бургосе в ноябре 1937 г., с беспокойством заговорили о влиянии нацизма в Испании, признав — только тогда — целесообразность распространения тех частей энциклики «*Mit brennender sorge*», которые в наибольшей степени соответствовали ситуации, в надежде на дальнейшую публикацию всего текста. Несмотря на то что в энцикликах Пия XI содержались соответствующие наставления, епископы не смогли занять разумную, равноудаленную от воюющих сторон позицию.

Нельзя обойти вниманием то существенное, а не поверхностное различие в отношении к жертвам, которое обнаруживается между обращением Пия XI (сентябрь 1936 г.) и «Коллективным посланием испанского епископата...». Если в последнем «те, кто сам не зная, что делает, причинил страшное зло Церкви и Отече-

³⁹ Когда в конце сентября 1936 г. Хунта национальной обороны назначила генерала Франко главой правительства испанского государства, было оговорено, что «ему передавалась абсолютная государственная власть». В одной из последующих речей он указывал на то, что «Испания создается внутри широко понимаемой тоталитарной идеи с помощью тех национальных институтов, которые гарантируют ее целостность, единство и преемственность», а затем упоминал «введение самых жестких принципов власти», которые подталкивало возглавляемое им движение, и ту роль, которая отводилась в этом движении Церкви. Год спустя эта тоталитарная тенденция усилилась.

ству» заслуживают прощения, то в первом мы находим позицию, отличающуюся истинным милосердием: прощения заслуживают, согласно Евангелиям, все жертвы без различия. В действительности, сам подход Папы исключал возможность жестких репрессий, для которых оставалась некоторая возможность в посланиях испанских епископов.

Наставление Пия XI казалось во всех отношениях неблагоприятным для Магаса, который, возможно, отличался большей дальновидностью, чем испанские церковные иерархи. У него вызывала неприятие склонность понтифика требовать от тех политических деятелей, которые называли себя «католиками», истинного соответствия вере в социальных вопросах и сострадательного отношения к врагу. Больше всего противоречий возникало, когда дело касалось консолидации тоталитарного государства и неизбежных репрессий, которые она предполагала. Поверенный в делах, в соответствии с испанской традицией называющий себя католиком, добивался признания Ватиканом мятежников и, как следствие такого признания, международной поддержки. Но в той католической вере, которую исповедовал режим, слишком многие важные аспекты учения были изъяты. Эти ограничения были точнее подмечены в Риме, чем непосредственно в воюющей Испании. Не напрасно в Ватикане учитывали опыт других стран. Таким образом, если католицизм, представителем которого был Магас, стремился сделать Церковь частью режима, в Ватикане хорошо понимали, что этот режим не готов действовать как истинный сын Церкви.

Перевод с испанского Е. А. Полетаевой

БРУНО МУНЬЯИ

ИТАЛЬЯНСКИЕ ДОБРОВОЛЬЦЫ
В АНТИФАШИСТСКИХ ВОЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ
И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫХ БРИГАДАХ

В конце 1970-х годов было подсчитано, что о Гражданской войне в Испании опубликовано не менее 20 тысяч книг и около ста из них посвящено добровольцам из других стран. Двадцать лет спустя Энди Дарган в своей статье «Борцы за свободу или армия Коминтерна? Интернациональные бригады в Испании» удвоил эти цифры. Это означает, что споры не окончились и что за это время были написаны другие работы, дополняющие предшествующие и вводящие в научный оборот новые данные, собранные в ставшем, наконец, доступном Архиве Коминтерна, а также в архивах политических движений Испании, которые смогли уцелеть.

Через семьдесят с лишним лет после этих событий все еще трудно достоверно реконструировать явные и скрытые факты, предопределившие драмы и разрывы во имя сплочения рядов. Взаимная неприязнь и политическое соперничество заставили разочароваться многих из тех, кто приехал сражаться, и это было одной из многих причин, приведших Республику к поражению. В Италии и других странах Европы споры шли до послевоенного времени и привели к тому, что вопрос об ответственности стал крайне запутанным. Подчас отдельные факты становились объектом манипуляций, и некоторые предубеждения надолго сохранились в среде историков как правой, так и левой ориентации. Мы сталкиваемся с такими искажениями, когда обращаемся к истории добровольческих отрядов. Примером может служить